

Раз уж Лю Чжэньцина пригласили на обед, стол следовало накрыть подобающе. На сей раз юноша проявил осторожность и не стал заказывать наобум, сославшись на то, что напрочь позабыл, какими яствами славится этот трактир. Цинь Юй, при всей своей внешней холодности, оказался человеком на редкость чутким: он тут же велел Цзиньли выбрать блюда, которые прежде так любил покойный Лю Сяочжу.

Однако вкусы усопшего были весьма пресными. Лю Чжэньцин же, напротив, предпочитал пищу острую и пряную. Единственным исключением, где он мог примириться с безвкусной готовкой, была рыба. Рыбу он обожал в любом виде, хотя в прошлой жизни не раз давился костями, за что друзья вечно над ним подшучивали: мол, любит до безумия, а выбирать кости так и не научился.

Кое-как проглотив пару кусков, Лю Чжэньцин понял, что больше не может себя мучить.

— Кажется, после того случая у меня и вкусы переменились, — смущенно пробормотал он.

Собеседники не придали этому значения. В конце концов, юноша перенес тяжелую травму головы; после такого люди порой и вовсе лишались рассудка, что уж говорить о капризах в еде.

Вскоре слуга принес фирменное блюдо заведения — карасей в густом соусе, а перед Хо Фэнле поставил пустую глубокую тарелку.

Хэ Лань и Цинь Юй даже не взглянули на это, давно привыкнув к причудам генерала, а Лю Чжэньцин тем временем заговорил о Жун Шимине, чья персона изрядно его заинтриговала.

— Он? — искренне изумился Лю Чжэньцин. — Человек столь скудоумный сумел основать обитель знаний? Академию Циминь? И... это сошло ему с рук?

Разъяснения Хэ Ланя заставили Лю Чжэньцина по-новому взглянуть на столичные нравы.

Как выяснилось, это заведение мало походило на благородную уездную академию, где возвращали будущих мужей науки. Скорее, оно напоминало своего рода закрытый приют для натаскивания недорослей перед экзаменами.

Там собирали тех, кому предстояло держать государственные испытания, обеспечивая им полный уход: стол, кров и уроки под одной крышей. В былые эпохи в Великой Чжоу уже открывали подобные пристанища, однако со временем от этой затеи отказались.

Лю Чжэньцин рассудил логически: ладно бы этим занялись почтенные книжники, именитые купцы вроде семейства Лю или государственные мужи. Но когда за дело берется Жун Шимин — человек, привыкший наживаться на игорных домах и злочных местах, — учреждение столь

убыточного, казалось бы, дела выглядело по меньшей мере нелепо. Неужто ради связей? Понятно, что преуспевшие ученики по гроб жизни останутся ему обязаны. Но ведь Жун Шимину, за чьей спиной стояла сама Великая принцесса, и без того хватало веса, чтобы безнаказанно бесчинствовать в столице. К чему ему эти хлопоты?

— В Академию Циминь берут далеко не каждого, — пояснил Цинь Юй. — Отбор строг, и безродным беднякам туда путь заказан. Плата за обучение там, надо полагать, неимоверная. Так что Жун Шимин преследует и выгоду, и корысть, и влияние.

Лю Чжэньцин задумчиво промолчал.

— А потому в ближайшие дни ему точно будет не до тебя, — подытожил Хэ Лань. — К тому времени, как он освободится, ты уже уедешь из столицы, и никакая месть тебя не настигнет. Так что тревожиться не о чем.

— Я и не думал тревожиться, — отозвался Лю Чжэньцин. — Даже если бы он вознамерился свести со мной счеты, я могу просто не выходить из поместья, и никакая сила не заставит его ворваться ко мне в дом.

— Отчего же тогда у тебя такой вид, будто ты жалеешь, что пошел на попятную? — усмехнулся Хэ Лань.

Лю Чжэньцин выдержал паузу. Бывший канцлер Великой Чжоу, чьей проницательности не могли и близко противостоять эти трое юнцов, за внешней мишурой углядел нечто гораздо более тревожное.

— Мне лишь кажется... — медленно произнес он, — что это начинание таит в себе немалую угрозу. Подобная лавочка — идеальная лазейка для подкупа экзаменаторов и кражи вопросов.

Слова юноши заставили собеседников опешить.

— Но ведь эта академия существует уже не первый год, — возразил Хэ Лань. — И до сих пор никто...

— Однако все её выпускники неизменно сдают экзамены по второму разряду, — многозначительно заметил Цинь Юй. — Причем среди них подозрительно много тех, кому попросту «улыбнулась удача». Если это повторяется из раза в раз, тут явно нечисто.

— Но как проверить подобное? — недоумевал Хэ Лань. — Государь самолично бдит за чистотой испытаний и карает за малейшую провинность. Стоит закрасться хоть капле сомнения, начнется следствие. Быть может, мы всё же преувеличиваем?

Цинь Юй покачал головой. Способов обойти закон существовало великое множество, но

каждый из них требовал ювелирной точности, и как именно мошенникам удавалось выходить сухими из воды, оставалось лишь догадываться. Возможно, они действительно искали заговор там, где его не было.

Хо Фэнле, который почти всю жизнь провел на границе и мало смыслил в тонкостях гражданской службы, хранил молчание, однако палочками орудовал без усталости.

Хэ Лань и Цинь Юй выжидающе воззрились на Лю Чжэньцина.

Лю Чжэньцин, разумеется, видел картину куда шире, чем сидевшие перед ним молодые люди. Ему вовсе не хотелось лезть на рожон, ведь в его нынешнем шатком положении следовало держаться тише воды, ниже травы. Однако в памяти его вдруг всплыли слова, некогда сказанные близким человеком: «Государственные экзамены — опора империи, стержень, на котором держится отбор талантов. Здесь нельзя допустить ни единой трещины».

В глазах Лю Чжэньцина блеснул холодный огонек, и он, едва заметно вздохнув, поспешил придать своему тону былую легкость:

— Да я так, к слову пришелся. Просто подумал: если эти молодые господа так богаты и знатны, отчего бы им не учиться, как положено, в Императорской академии? Зачем собираться в каком-то частном гнезде? Странно это. Наверное, я излишне подозрителен... Но...

Юноша помрачнел.

— Вспомнилась мне одна старая история. Мой дед когда-то сурово покарал одного из управляющих торгового союза. Тот проныра, прознав, что гильдия ищет счетоводов, собрал всех соискателей вместе. Он содрал с них круглую сумму за «обучение», а сам, имея доступ к бумагам, потихоньку раздавал им экзаменационные задачи. Кому посложнее, кому полегче — смотря сколько занесли. Когда его поймали за руку, он клялся, что лишь чудом угадал схожие условия задач. На деле же он просто слегка изменил цифры в настоящих билетах, чтобы его подопечные заранее всё просчитали. Не находите, что эти случаи удивительно похожи?

Лю Чжэньцин преподнес это как забавный анекдот, однако за столом воцарилась гробовая тишина.

Отсутствие громких разоблачений, неизменный второй разряд выпускников и строгий отбор исключительно среди состоятельных учеников — сопоставив эти три фактора, любой мало-мальски мыслящий человек сразу разгадал бы схему обмана.

Разложив всё по полочкам, Лю Чжэньцин не сомневался, что попал в самую точку.

Черeda загадочных покушений на беднягу Лю Сяочжу, его сорванная помолвка с девицей Цзян, чей отец Цзян Хун служил помощником министра ритуалов и ведал делами

императорских экзаменов... Лю Чжэньцин никогда не верил в слепые совпадения.

Оставалось неясным лишь одно: кому и зачем понадобилась жизнь этого кроткого юноши? Неужто Жун Шимин столь кровожаден, что готов убить из-за пустяка?

Впрочем, Лю Чжэньцин не стал забивать себе голову лишними думами. Главное он уже высказал, а остальное пусть ложится на плечи тех, кому положено этим заниматься.

Его брошенные невзначай слова поразили Хэ Ланя и Цинь Юя до глубины души. Молодые люди переглянулись, и в их глазах зажглась решимость — похоже, грядущие императорские экзамены теперь окажутся под самым пристальным их надзором.

Лю Чжэньцин мысленно улыбнулся, сочтя, что этим невольным вмешательством сполна отплатил обидчикам за страдания прежнего владельца тела.

Размышления увели его слишком далеко от мирской суеты. Опустошив свою пиалу, Лю Чжэньцин машинально потянулся палочками к рыбе и вдруг замер: в правом верхнем углу стола красовалась небольшая тарелка, доверху наполненная нежными, аккуратно разделенными кусочками рыбной мякоти. Там не было ни единой, даже самой крошечной косточки.

Когда-то давно, стоило им собраться за обедом, перед Лю Чжэньцином неизменно появлялось такое же блюдо, куда заботливая рука то и дело подкладывала очищенную рыбу.

Пока они с Хо Фэйханем и Ли Синжо вели шумные споры, он мог безбоязненно лакомиться любимым блюдом, совершенно не заботясь о коварных костях.

Это воспоминание, такое живое и близкое, на мгновение ослепило его. Поддавшись неодолимой привычке прошлых лет, Лю Чжэньцин, сам того не замечая, подцепил палочками горсть нежного мяса и отправил в рот.

Рыба оказалась восхитительной — сочной, мягкой и, как и ожидалось, совершенно без костей. Растраченные на раздумья силы требовали немедленного восполнения.

Один кусок, второй, третий...

Внезапно два резких, испуганных вздоха заставили его очнуться.

Лю Чжэньцин замер. Кусок рыбы застрял в горле, вызвав приступ удушливого кашля. Откашлявшись, он с опаской повернул голову вправо и наткнулся на тяжелый, немигающий взгляд Хо Фэнле. Тот сидел неподвижно, сжимая в окаменевших пальцах палочки для еды.

Тарелка с рыбой, как оказалось, стояла гораздо ближе к генералу. Видимо, это он попросил принести её отдельно.

И эти безупречно очищенные кусочки... он выбирал для себя?

Окружающие отлично знали об этой странной привычке Хо Фэнле. Цинь Юй и Хэ Лань давно перестали удивляться тому, как грозный воин сначала дотошно очищает целую гору рыбы, складывая её на отдельное блюдо, и лишь затем приступает к трапезе. Они списывали это на крайнюю степень придирчивости — мол, бедняга, должно быть, сильно подавился костью в детстве, вот теперь и усердствует.

За долгие годы совместных обедов ни один смертный не осмеливался посягнуть на долю, столь бережно приготовленную генералом.

И этот упрямец еще смеет отрицать, что метит в мужа нашему драгоценному генералу! Да у него палочки сами тянутся в чужую тарелку! Каков хитрец!

«И кто поверит, что я случайно?.. — сокрушался про себя Лю Чжэньцин. — Может, выплюнуть?»

<http://bllate.org/book/20542/2131914>